

Оборудование: контурные карты (формат А3) вымышленного или реального города (по количеству команд), фломастеры, карандаши, магниты.

Условия реализации: выбор ведущего, создание команд участников, создание группы “экспертов”, учебная и внеучебная деятельность.

Подготовка аудитории: расстановка мебели — “дискуссионный клуб”.

Технология реализации

1. Выбор ведущего (учитель, учащийся).
2. Создание команд (по 7—8 человек), группы “экспертов”.
3. Ведущий объявляет тему занятия, раздает контурные “карты” города, фломастеры и предлагает командам в течение 10 мин заполнить карту (дать названия городу, улицам и т. д.), используя понятия, изученные в рамках обозначенной темы.
4. Карты города вывешиваются на доске. Представители от каждой команды по очереди представляют свой “город”, объясняя логику расположения тех или иных объектов на “карте”.

5. “Эксперты” фиксируют количество использованных понятий, наличие логического подтверждения их расположению на карте города. Побеждает команда, наиболее правильно, интересно и оригинально заполнившая карту.

Примечание. Тема для выполнения задания может быть общей для всех команд. Количество тем также может определяться количеством команд. Например, одна общая тема “Части речи” и несколько тем, объединенных общей темой “Части речи”: “Имя существительное”, “Имя прилагательное”, “Глагол”, “Наречие”.

И. В. ШЕСТИТКО,

декан факультета повышения квалификации специалистов образования ИПКиПК БГПУ им. М. Танка, кандидат педагогических наук, доцент.

(Продолжение следует.)

школа чалавечнасці

■ Доктор психологических наук, профессор Яков КОЛОМИНСКИЙ свою трудовую деятельность начал в 1955 году после окончания Минского педагогического института. Три года он преподавал в Новогрудском педучилище, а затем два года работал воспитателем и учителем в школе-интернате № 17 г. Минска. Там молодой педагог начал свою научную деятельность с исследования межличностных взаимоотношений воспитанников. Эти годы оставили глубокий след в жизни Я. Коломинского, а наблюдения легли в основу дальнейших психологических трудов.

Воспоминания печатаются впервые.

Записки воспитателя

Первые встречи

Позади мучительные визиты в горно. С приказом в руках переступаю я порог школы-интерната, где волею начальства мне суждено быть воспитателем. Пахнет свежей краской, там и сям — строительный мусор.

Еще полмесяца до начала занятий. Работать официально я начну через неделю. Но уже сегодня завуч собрал нас, новых воспитателей, на первое совещание. Присматриваюсь к своим будущим коллегам. Это опытные педагоги. За плечами у Ивана Антоновича, низковатого, полного, несколько флегматичного человека, 10-летний стаж работы в начальной школе; Клара

Самуиловна была завучем где-то на Дальнем Востоке; Николай Михайлович работал в детской трудовой колонии. На этом совещании я был самым молодым и, пожалуй, самым неопытным. Правда, воспитательница Татьяна Ермолаевна пришла в школу прямо с институтской скамьи, но на этом совещании ее не было. Она вышла на работу только 30 августа.

— Вы хорошо теоретически подготовлены, — подбадривал меня завуч. — Вот и соедините теперь теорию с практикой.

Да, видно, он успел познакомиться с моим личным делом, где было сказано, что окончил я факультет педагогики и психологии, три года преподавал эти предметы

в педучилище, руководил педпрактикой... Словом, был, как высокопарно говаривал наш директор на педсоветах, "учителем учителей".

Но одно дело учить других преподавать и совсем другое — самому работать с детьми. Я не верю в притчу о тренере, который воспитал немало первоклассных пловцов, но однажды упал в воду и утонул: не умел плавать. По-моему, он утонул бы на первом же занятии.

Учительница нашего класса потом рассказывала:

— Мне завуч говорит: "У вас, Лилия Васильевна, новый воспитатель будет. Теоретик!" А я ему: "Зачем мне теоретик? Вы мне практика дайте". Хорошо, что не послушался он меня тогда... — добавляла она, очевидно, для моего успокоения.

Завуч все рассказал нам о школе, о режиме дня, а потом спросил: "Кто в каком классе хотел бы работать?" И тут я произнес слова, о которых иногда сожалел:

— Прошу назначить меня воспитателем первого класса.

Завуч поспешно согласился: охотников там работать было мало.

Исходил я из того, что в первом классе буду иметь дело с, так сказать, "целиной", которая хороша уже тем, что ее не надо перепаживать. Это была ошибка. На своем опыте пришлось убедиться: никогда не бывает "невспаханного поля" в педагогическом деле. Но в одном я оказался прав: нет детей более откровенных, чистосердечных, открытых для педагогического воздействия, чем первоклассники. И если бы мне опять пришлось начать работу в школе-интернате, я взял бы первый класс.

В конце совещания завуч раздал нам тетради. В моей было 34 адреса. 34 адреса — это 34 дома, почти 34 улицы, а главное — 34 моих будущих воспитанника.

Прежде всего пришлось основательно изучить множество трамвайных, автобусных, троллейбусных маршрутов, но особенно много было маршрутов пешеходных... Теперь я отчаянно спорю, когда слышу: "Минск не такой уж большой город".

На Старовиленском тракте стоял неказистый дощатый барак, где я с трудом разыскал комнату семьи Оли М. Самой Оли и ее матери дома не оказалось, но и того, что рассказали мне соседи, было достаточно для составления акта с заключением о необходимости зачислить девочку в школу-интернат. Сосед, седой, с козлиной бородкой портной, говорил:

— Это несчастные дети. Их у нее пятеро, и все от разных отцов. Выпивает, гуляет... Спасибо государству: уже двоих забрали в детдом. Старших...

Он вздохнул и добавил:

— Спасайте и эту девочку.

Позднее я познакомился с матерью Оли и убедился, что старик был прав.

Спервого же посещения запомнилась мать Эрика Д. Худая, испитая, она привычно затягивалась папирсой, стряхивала пепел на давно не мытый пол и с усмешкой бросала, кивая в сторону малыша лет четырех:

— Этот ерунда: здешний, картофляник. А Эрик — не та порода — сибиряк! Возьмите. Парень гвоздь. Да некогда мне с ним. У меня скоро еще один запланирован, — и, перехватив мой смущенный, а может быть, и возмущенный взгляд, продолжала: — Плевать я хотела на соседей. Завидуют, гадины. А я им говорю: рожала и рожать буду... У нас государство об одиночках заботится...

Как хорошо понимали мы Эрика, когда он по субботам говорил то мне, то Татьяне Ермолаевне:

— Я домой не хочу. Лучше тут буду.

И мы, нарушая строгие приказы дирекции, оставляли мальчика в школе.

Растет пачка актов. В них горькое однообразие: мать-одиночка, в квартире тесно, смотреть за ребенком некому. Из 34 моих воспитанников едва ли десятая часть имела отцов. Среди матерей немного таких, как мать Эрика. В основном это были просто несчастные женщины, которым не повезло в жизни. От всего сердца желали они добра своим детям и делали для них все, что могли. Но могли они совсем мало. Поэтому всех, кто хотел побеседовать с нашими воспитанниками, мы предупреждали:

— Не задавайте вопросов об отце...

Ведь невыносимо было слышать, как Людочка П., у которой в метрике значилось: год рождения — 1951, на этот вопрос гордо отвечала:

— Погиб на фронте!

А Леня К. заявлял:

— А мой папа сидит в тюрьме. Он нам денег не давал, и мама его посадила. — И неизменно добавлял: — Я его не люблю.

Не раз мы, воспитатели, между собой возмущенно говорили о подлецах, которые нагло используют гуманность законов и, по выражению Макаренки, оставляют после себя стайки полусирот. И, будь наша воля, мы приняли бы против них самые жесткие законы.

Многое дали мне первые посещения семей воспитанников, но главное было чувство огромной ответственности за их судьбы, страстное желание сделать все, чтобы в школе-интернате они были счастливы. И в сотый раз мучительно думал: смогу или нет?

Но дети, да и матери их вряд ли догадывались об этих мыслях, когда к ним приходил будущий воспитатель и вел разговор о школе. Они мне показались одинаковыми, мои будущие воспитанники. Все смотрели на меня чистыми, приветливыми глазами, все говорили, что очень хотят в школу, и убегали. Матери тоже говорили практически одно и то же: "Любит ласку. Некому за ним смотреть". И в конце беседы добавляли: "Знаете, к нему нужен особый подход". Так что через несколько дней я усвоил: надо иметь 34 особых подхода. Но в чем должна быть особенность? Этому мне родители не сказали, а спросить я почему-то не догадался. Манина мама не сказала, что по отношению к ее дочке это значит: берегись упрямства. Олина мама не предупредила: берегись слезливости. Шашины родители не предостерегли

от капризов, а Наташины — от лени. Почему? Может быть, потому что родители часто не отдают себе отчета в недостатках своей воспитательной работы, особенно если ее и не было как таковой. Кроме того, многие потом признались: боялись говорить о недостатках — еще не возьмут в школу. Кому охота с упрямыми и капризулями возиться!

Но обход не был напрасным. Его результаты были для меня неожиданными. Оказывается, дети, переступив порог школы и увидав там дядю, который к ним уже приходил, были очень довольны. Это помогло им освоиться в новой обстановке.

Уже через несколько недель то один, то другой вспоминал:

— А помните, как вы у нас были? Ну, тогда я еще был во дворе. Тут наш Вовка бежит и кричит: “Иди, к тебе из школы пришли”.

И дальше следовал подробнейший рассказ с такими, например, деталями:

— А вы были тогда в такой голубой рубашке...

— И совсем не в рубашке, а в тенниске. Это так называется, я знаю, — уточняла соседка.

При этом разгорался спор, а я не мог сказать ничего вразумительного.

Надо учесть, что дети в те августовские дни жили мечтой о школе, вместе с родителями волновались: примут — не примут? Поэтому ясно, что они особенно ярко воспринимали и запоминали все, связанное со школой.

Теперь я часто думаю о том, как мало успел сделать во время тех посещений, как мало узнал. До сих пор ругаю себя за то, что не сходил в детские сады, где воспитывались мои дети. Вообще мы, школьные работники, мало знаем о детском саде. И напрасно: многое закладывается именно там.

У Толи болит зуб

Суматошный день 31 августа. Уже третьи сутки мы, воспитатели, вместе со старшеклассниками таскаем кровати, матрасы, подушки, одеяла, получаем обмундирование, приколачиваем классные доски, вешаем портреты.

А утром пришли дети. Они испуганно держатся за мамыны юбки, но глазенки с любопытством обстреливают все окружающее. Потом школа оглашается дружным плачем — это пришла пора расставаться... Суматошный день, но, пожалуй, больше мне запомнилась ночь. Первая ночь, которую дети и я вместе с ними провели в стенах школы-интерната.

Спальный корпус нашей школы не был готов к началу учебного года, и длинные ряды кроватей протянулись по бесконечному коридору. Ответственный дежурный, а им был я (все решил “всесильный” для нашей старшей воспитательницы график, а он никого не делит на опытных и новичков), облегченно вздохнул: ну, все спят. Все ли? Где-то в конце коридора послышалось всхлипывание. Спешу туда. Светленькая девочка тихонько плачет, уткнувшись в подушку.

— Что с тобой, детка? Почему плачешь?

— Про-о-осто так, у-у-у.

— Может, болит где-нибудь?

— Не-е-ет!

— Так в чем же дело? По маме соскучилась?

— Не соскучилась, а только мама мне всегда одеяло под спинку подталкивает...

Облегченно вздыхая, выполняю функцию ее мамы, и девочка засыпает. Но тут раздается плач в другом конце коридора. Плачет Толя С.: разболелся зуб.

— Очень больно, Толечка?

— Очень.

Бегу за медсестрой. Приложили грелку — все напрасно. Толя плачет все громче и громче. На соседних кроватях уже беспокойно заворочались дети.

— Ты, Толечка, потихоньку, ведь детей разбудишь.

— Ну и что, что разбужу. У меня все равно болит...

Логично — возразить трудно. Подхожу с другой стороны:

— Знаешь, Толик, у меня раньше тоже зубы болели.

Плач прекратился, заинтересованный мальчик повернулся ко мне. Обрадованный, продолжаю:

— Вот, посмотри, здесь до сих пор зуба нет.

Толя даже на подушке приподнялся:

— А где он?

— Пошел к врачу и вырвали...

Не успел я договорить, как понял, что сделал непростительную ошибку: плач возобновился. Пришлось начинать все сначала:

— Толя, а кем ты хочешь стать?

— Летчиком...

— Летчиком! — обрадовался я. — Так тебе надо быть смелым, терпеливым... Знаешь, один летчик...

Тут начался рассказ о разных случаях, когда летчики терпели страшные боли. Толя молчит, пока слушает, но стоит мне умолкнуть, как он начинает плакать. Но плач стал каким-то деланным, ненатуральным.

— Как ты, Толечка? Немножко легче? — спрашиваю.

— Да, уже только чуть-чуть болит, только вы все равно рассказывайте. Интересно.

Так он и уснул под мои рассказы.

Никогда не думал, что так трудно заговаривать зубы. В институте нас этому не учили.

Моя “шефа” не пришла

Никогда не ощущал я так ясно стремительный бег времени, как в утренние полтора часа с 7.00 до 8.30. Сколько дел приходилось на эти короткие 90 минут!

Начать хотя бы с того, что многие дети просто не хотели вставать. Вот, например, Света К., казалось бы, совсем уже встала, даже чулки натянула... Но одно мгновение — и ее белокурая головка уже снова на подушке, а голубые глазки крепко закрыты.

Однажды Леня К. предложил:

— А давайте не будем чулки вечером снимать. Вот хорошо будет: встал и готово!

Но, не встретив с нашей стороны поддержки, он применил свою "рационализацию", по его словам, всего только два раза.

Валерий Ж. и Вова К. не умели шнуровать ботинки. Из-за них мы не раз опаздывали на завтрак.

Но настоящая трагедия была у меня с косичками. Толстые, золотистые у Тани, черные у Наташи, каштановые, тоненькие "мышинные хвостики" у Гали. Как приятно смотреть на вас, когда вы аккуратненько заплетены и перевязаны ленточкой! Но когда вы растрепаны, а я не знаю, что с вами делать, а звонки подгоняют, не ждут, — тогда плохо. Признаюсь, не раз приходила мне в голову мысль: "Почему в моем классе не одни мальчики?" Татьяна Ермолаевна выходила из положения довольно просто: она выстраивала всех девочек и заплетала им косы.

— Подождите, скоро они и сами научатся, — посмеивалась она над моими волнениями.

Но ждать-то было некогда. Спасением стали шефы.

Взялись нас опекать шестиклассники. Прибегали шефы на переменах, показывали детям школу, учили разным интернатским премудростям. Но главная их работа начиналась по утрам во время подъема. Веселой стайкой налетали шестиклассники на наших девочек и мгновенно разрешали проблему косичек.

Но не получилось у нас настоящего шефства. Период "первой любви" к малышам прошел у шестиклассников довольно быстро. Да и они заметили прохладное отношение со стороны воспитателей к своим шефским увлечениям. Особенно холодным стало это отношение после педсовета, на котором старшая воспитательница прозрачно намекнула, что воспитатели младших классов так ратуют за шефство по причине своей лени.

— Мы не позволим перекладывать воспитательную работу на старшеклассников. Получаете зарплату — извольте трудиться.

Бесполезно было доказывать, что уход за малышами в большой семье школы-интерната едва ли не больше всего нужен самим старшеклассникам.

Хотя от индивидуального шефства мы решили отказаться задолго до этого педсовета и вот почему.

Однажды захожу в спальню к девочкам уже после звонка на подъем. Все встали. Только Галя и Тома спокойно лежат в кроватях и с любопытством поглядывают на своих суесящихся подруг да время от времени дают им разные советы.

— Почему ты не встаешь, Галя? — спрашиваю.

Девочка с недоумением на меня посмотрела и ответила:

— Так разве ж вы не видите? Моя "шефа" не пришла!

— И моя тоже! — возмущенно воскликнула Тома. — Бегают где-то, наверное, а к нам не идут. Мы ж опоздаем.

— Вы уже не маленькие, — говорю девочкам. — Давайте научимся сами за собой ухаживать. Согласны?

— Согласны, — дружно откликнулись польщенные дети.

— Откажемся от помощи шефов по утрам?

— Откажемся!

— А косички? — засомневались мальчики. — Девочки подведут.

— А вот и нет. Сами будем заплетать. Я — Гале, Галя — Тане, Таня — Ире...

На следующее утро я запретил шефам заплетать девочек... И первоклашки самостоятельно справились с "косичкиным хозяйством", как выражался наш Саша Г.

Проблема косичек окончательно разрешилась только во втором классе. Наиболее оригинально с ней справилась Таня Р.

Есть дети, которые наделены счастливым даром привлекать к себе внимание. Они никогда не бывают без подруг и друзей. Редко ссорятся. Их никто никогда не обижает. Такой была Таня. Но когда девочке всего девять, она часто свои достоинства воспринимает как недостатки. Таня была недовольна своей судьбой, она часто заявляла:

— Хочу быть мальчишкой. Хочу себе туфли, как у вас, галстук, как у вас. Хлопцем быть лучше. Хлопцы воют!

— А девочки, скажешь, не воют, — возражала долговазая худенькая Люда Л. — Еще как воют. Они сани тарки.

Возможно, косвенным виновником Таниных мечтаний был я сам. Девочка рано осталась без отца (он умер) и всю неистраченную любовь к нему перенесла на воспитателя. Ее мать (кстати сказать, исключительно заботливая и ласковая женщина) рассказывала:

— Вы знаете, что сказала мне Таня? Я, говорит, мамочка, Лидию Васильевну и Татьяну Ермолаевну люблю, как тебя, а Якова Львовича — больше.

Немудрено, что под неотступным взглядом Тани я чувствовал себя так, как при самой придирчивой комиссии. Страшно упасть с той высоты, на которую нас, воспитателей, возносят дети. Так вот, от слов о желании стать мальчиком Таня перешла к делу. Представьте себе мое смятение, когда в один прекрасный день Таня подошла ко мне и тихонько сказала:

— Я теперь буду первая на завтрак выходить...

— Вот и хорошо... — начал я и запнулся.

Таня как-то странно изменилась... Она остригла свои замечательные тугие косы.

— Совсем отрезала! — запыхавшись, рассказывал Гена К. — Нас тетя парикмахер стрижет, а она пришла и говорит: "Подравняйте косы". А потом говорит: "Еще короче". И так все говорила, пока совсем не отрезали.

С ужасом ожидал я предстоящей субботней встречи с Таниной мамой. Я знал, что она не из тех мамаш, которые из-за оторванной пуговицы готовы поднять скандал. Но косы не пуговица — не пришьешь. Однако у Таниной мамы оказался неконфликтный характер. Она сделала вид, будто ничего не случилось.

В понедельник Таня появилась в школе с пышным капроновым бантом — и все нашли, что она стала еще красивее.

(Продолжение следует.)